

Рп 11.921

МОЛАЙ КЛЮЕВЪ

МЪДНЫЙ КИТЬ

Издание Петроградскаго Совѣта
Рабочихъ и Красн. Депутатовъ
1919

**Коллекция
прижизненных изданий**

НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ

МѢДНЫЙ КИТЪ

Издание Петроградскаго Совѣта
Рабочихъ и Красн. Депутатовъ
1919

ПРИСЛОВЬЕ

Только во сто лѣтъ разъ слетаетъ съ Громоваго дерева огнекрылая Естрафиль-птица, чтобы пропѣть-провѣщать крещеному люду Судьбу-Гарпунъ.

И лишь въ сороковую, неугасимую, нерпячью зарю расцвѣтаетъ въ грозныхъ соловецкихъ дебряхъ Святогорова палица—чудодѣйная Ломъ-трава, сокрушающая стѣны и желѣзные засовы. Но еще рѣже, еще потайнѣе проносится надъ міромъ пурговый звонъ народнаго пѣсеннаго слова,—подспуднаго, мужицкаго стиха. Вамъ, люди, несу я этотъ звонъ—отплески Мѣднаго Кита, на которомъ, по древней лопарской сказкѣ, стоитъ Всемирная Пѣсня.

Николай Клюевъ.

СУДЪБА-ГАРШУНЪ

ПѢСНЬ СОЛНЦЕНОСЦА.

Три огненныхъ дуба на пупѣ земномъ,
Отъ нихъ мы три жолудя-солнца возьмемъ:

Лазоревымъ—облачный хворостъ спалимъ,
Павлиньимъ—грядущаго даль озаримъ,

А красное солнце—милльонами рукъ
Подыместъ надъ Міромъ печали и мукъ.

Пылающій китъ взбороздитъ океанъ,
Звонарь преисподній ударитъ въ Монбланъ,

То колоколъ нашъ—непомѣрный языкъ,
Изъ рѣкъ бичеву свилъ Архангеловъ ликъ.

На каменный зыкъ отзовется Міры,
И демоны выйдутъ изъ адской норы,

Въ потиръ отольются металловъ пласты,
Чтобъ солнца вкусили народы-Христы.

О, демоны-братья, отпейте и вы
Громовыхъ сердець, подѣлуйной молвы!

Мы, рать солнценосцевъ, на пупѣ земномъ
Воздвигнемъ столбашенный, пламенный домъ;

Китай и Европа, и Сѣверъ, и Югъ
Сойдутся въ чертогъ хороводомъ подругъ;

Чтобъ бездну съ Зенитомъ въ одно сочетать:
Имъ Богъ—восприемникъ, Россія же—мать.

Изъ пупа вселенной три дуба растутъ:
Премудрость, Любовь и волхвующій Трудъ...

О, молотъ-вѣдунъ, чудотворецъ-верстакъ,
Вамъ ладанъ стиха, въ сердцѣ сорванный
макъ;

Въ вашъ яростный умъ, въ многострунный
языкъ,
Я пчелкою-риемой, какъ въ улей, проникъ,

Дышу восковиной, медынью цвѣтовъ,
Сжигающихъ Индій и Волжскихъ луговъ!...

Верстакъ—Назаретъ, наковальня—Немвродъ,
Ихъ слилъ въ пѣснозвучье родимый народъ:

«Вставай, подымайся» и «Зелень мой садъ» —
Въ кровавомъ окопѣ и въ полѣ звучать...

«Вставай, подымайся»—старуха поетъ,
Въ потемкахъ телѣга и петли воротъ;

За ставней береза и вѣтеръ въ трубѣ
Гадаютъ о вѣщей народной судьбѣ...

Три жолудя-солнца достались намъ—
Засѣвнѣй подарокъ взалкавшимъ полямъ:

Свобода и Равенство, Братства вѣнецъ—
Живительный выгонъ для ярыхъ сердецъ;

Тучиѣйте отары голодныхъ умовъ,
Прозрѣнѣй телицы и кони стиховъ!

Въ лѣсахъ дикихъ гривъ, звѣздныхъ рунъ
и вымянъ
Крылатые боги раскинутъ свой станъ,

По струннымъ лугамъ потечетъ молоко,
И пѣвчей калиткою стукнетъ Садко:

«Пустите Баяна—Рублѣвскую Русь,
Я Тайной умоюсь, а Пѣсней утрусъ,

Почестному пиру отвѣшу поклонъ,
Румянѣ яблонь и краше иконъ»:

«Здравствуешь, Волюшка-мать,
Божьей Земли благодать,
Бѣлая Меря, Сибирь,
Ладоги хлябкая ширь.

Здравствуйте, Волховъ-гусларъ,
Степи Великихъ Бухаръ,
Синій Моздокскій туманъ,
Волга и Стенькинъ курганъ!

Чай стосковались по мнѣ,
Красной, поддонной веснѣ,
Думали—злой водяникъ
Выщербилъ пѣсенный ликъ?

Я же—въ избѣ и въ хлѣву
Ткалъ золотую молву;
Сиринъ мнѣ вѣсти носилъ
Съ плахъ и безкrestныхъ могилъ.

Рушайте-жъ лебедь-судьбу,
Въ звонъ осластите губу,
Кіева сполохъ-уста
Пусть возсіяютъ, гдѣ Мста.

Чмокъ городовъ и племень
Въ ликѣ моемъ воплощень,
Я—пѣсноводный женихъ,
Русскій, яровчатый стихъ!»

ЛЕНИНЪ.

Есть въ Ленинѣ Керженскій духъ,
Игуменскій окрикъ въ декретахъ,
Какъ будто истоки разрухъ
Онъ ищетъ въ Поморскихъ Отвѣтахъ.

Мужицкая нынѣ земля,
И держовь—не наймитъ казенный,
Народный исподъ шевеля
Несется глаголь краснозвонный.

Намъ красная молвь по уму,—
Въ ней пламя цвѣтенъе сафьяна;
То Черной Неволи Басму
Попрама стопа Юанна.

Борисъ—златоордный мурза,
Трезвонитъ Иваномъ Великимъ,
А Ленинымъ—вихрь и гроза
Причислены къ Ангельскимъ ликамъ.

Есть въ Смольномъ потемки трущобъ,
И привкусъ хвои съ костявигой,
Тамъ нищій колодовый гробъ
Съ останками Руси великой.

«Куда схоронить мертвеца»—
Толкуеть удалыхъ ватага...
Поземкой пылитъ съ Коневца,
И плещется взморье-баклага.

Спросить бы у тучки, у звѣздъ,
У зорь, что румянятъ ракиты...
Зловѣщъ и пустыненъ погостъ,
Гдѣ царскія бармы зарыты.

Ихъ воронъ-судьба стережетъ
Въ глухихъ преисподнихъ могилахъ...
О чемъ же тоскуеть народъ
Въ напѣвахъ татарско-уньмыхъ?

* * *

Господи, опять звонятъ,
Вколачиваютъ гвозди голгоѳскіе,
И Тобою погранный починаютъ адъ
Сытые кутейные московскіе!

О, душа, невидимкой прикинься,
Притаись въ ожирѣлыхъ свѣчахъ,
И увидишь, какъ Распутишь на антимишѣ
Пляшетъ въ жгучихъ, похотливыхъ
сапогахъ.

Какъ въ потирѣ купаются бѣсенята,
Надвратный голубъ ворономъ сталъ,
Чтобы выклевать у Тебя, Распятый,
Сонъ рѣенищъ и. сердце-опаль.

Какъ же бѣжать изъ преисподней,
Гдѣ стѣны изъ костей и своды изъ
череповъ?

Вѣдь въ бѣлыхъ яблоняхъ безъ поповъ
Совершается обрядъ Господній.

Вѣдь пичужка съ глазкомъ васильковымъ
Выше библій, тiаръ и порфирь...
Ждутъ пришельца въ вѣнцѣ терновомъ
Адъ заводскій и гиблый трактиръ.

Онъ же, батюшка, въ покойчикѣ сосновомъ,
У горбатой Домны въ гостяхъ,
Всю деревню радуеть словомъ
О грядущихъ золотыхъ мірахъ.

И деревня—Красная ляга
Захмелѣла подъ звонъ березъ...
Знать и смертная распита баклага
За Тебя, буревѣстный Христось.

ФЕВРАЛЬ.

Двѣнадцать мѣсяцевъ въ году,
Посланецъ бурь—Февраль;
Онъ полуночную звѣзду
Нерековаль на сталь.

И сталь поетъ ясна, остра,
Какъ полководный ледъ.
Не самодѣловъ ли гора
Изъ сумрака встаетъ?

То огнепальное чело,
Очей грозовый пылъ
Того, кто адское жерло
Слезю угасилъ.

Чей крестный потъ и сѣрый кусъ
Лучистѣй купины.
Онъ воскрешенный Иисусъ,
Народъ родной страны.

Тренещеть адъ гвоздиныхъ ранъ,
Терноваго чела...
Въ глухой степи, гдѣ синь-туманъ,
Пылають купола.

То кровью выкупленный край,
Земли и Воли градъ.
Многоплеменный каравай
Подблать съ братомъ братъ:

Литва—съ кряжистымъ Пермьякомъ,
Съ Карелою—Туркменъ;
Не сломятъ штыкъ, чугунный громъ
Ржаного Града стѣнъ.

Не осквернять палящій ликъ
Свободы золотой...
Красноголосый вѣчевикъ,
Ликуй, народъ родной!

Алмазный плугъ подыметъ ярь
Волхвующихъ бороздъ.
Овинъ—пшеничный государь
Въ вѣнцѣ изъ хлѣбныхъ звѣздъ.

Его сермяжный манифестъ—
Предвѣчности строка...

Кто палъ, неся кровавый крестъ,
Земля тому легка.

Тому овинная свѣча,
Какъ Спасу, зажжена...
Моря мірскаго калача
Безъ берега и дна.

Въ нихъ погибають корабли:
Неволя, Лихо, сглазь,—
То Царь Морской—Душа Земли—
Свершаетъ брачный плясъ.

Темнымъ зовамъ не вѣрять душа,
Не летить встрѣчу призракамъ ночи.
Ты, какъ осень, ясна, хороша,
Только строже, и въ ласкахъ короче.

Потянулись съ крикомъ въ отлетъ
Журавли надъ потусклой равниной...
Какъ съ природой, тебя эшафотъ
Не разлучить съ родимой кручиной.

Не однажды, подъ осени плачь,
О тебѣ, невозвратно далекой,
За разгульнымъ стаканомъ палачъ
Головою поникнетъ жестокой.

«Безотвѣтнымъ рабомъ
Я въ могилу сойду,
Подъ сосновымъ крестомъ
Свою долю найду».

Эту пѣсню пѣвалъ
Мой страдалецъ отецъ,
И въ наслѣдство отдалъ
Донѣвать мнѣ конецъ.

Но не стономъ отцовъ
Моя пѣснь прозвучитъ,
А раскатомъ громовъ
Надъ землей пролетитъ.

Не безгласнымъ рабомъ,
Проклиная житье,
А свободнымъ орломъ
Допою я ее.

Хлыщи въ котелкахъ и мамыши въ батистахъ,
Съ битюжьей осанкой купеческій родъ,
Не вамъ моя лира,—въ напѣвахъ тернистыхъ
Пусть славится гибель и другъ-пулеметъ!

Хвала пулемету, не сытому кровью
Битюжьей породы, батистовыхъ тунгъ!..
Трубятъ серафимы надъ буйною новью,
Гдѣ зрѣетъ посѣвъ струннопламенныхъ
душъ.

И души цвѣтутъ по роднымъ косогорамъ
Малиновой кашей, пурпурнымъ глазкомъ..
Боецъ узнается по солнечнымъ взорамъ,
По алому слову съ приборнымъ стихомъ.

Оскаль Февральскаго окна
Глогаетъ залпы, космы дыма...
Въ углу убитая жена
Лежитъ строга и недвижима.

Толпятся тѣни у стѣны,
Зловѣще отблески маячатъ...
Въ поляхъ невѣдомой страны
Наѣздникъ съ плѣнницею скачетъ.

Хватаютъ косы ковыли,
Какъ стебли свѣсилися руки,
А конь летитъ въ огнѣ, въ пыли,
И за погоню нѣтъ поруки.

Прости, прости! Въ ковыль и мглу
Тебя умчалъ ѣздокъ крыматый...
Какъ воры шепчутся въ углу
Кирка съ могильною лопатой.

Осѣнюсь могильною иконкой,
Накормлю малиновогъ кутьей,
И съ клюкой, съ дорожною котомкой
Закачусь въ туманъ вечеровой.

На распутьяхъ дальняго скитанья,
Какъ пчела медвяную росу,
Соберу пѣвучія сказанья,
И тебѣ, родимый, принесу.

Въ глубинѣ народной не забытымъ
Ты живешь, кровавый и святой...
Опаленнымъ, сгибнувшимъ, убитымъ—
Всѣмъ покой за дверью гробовой.

Я пришелъ къ тебѣ, сырѣ-дремучій боръ,
Изъ-за быстрыхъ рѣкъ, изъ-за дальнихъ
горъ,

Чтобъ у ногъ твоихъ, витязь-схимнице,
Подышать лѣсной древней силищей,

Ты прости, отецъ, сына нищаго,
Пѣсно-золото расточившаго!
Не кудрявичемъ подъ гусярннй звонъ
Въ зеленъ теремъ твой постучался онъ.

Богатырь душой, пѣвникъ розмысломъ,
Раздружился я съ древнимъ обликомъ,
Промѣнялъ парчу на сермяжину,
Кудри-вихори на плѣшь-лысину.

Поклонюсь тебѣ, государь, душой—
Укажи тропу въ зеленъ теремъ свой!
Тамъ двѣнадцать въ рядъ, братовья сидятъ—
Самоцвѣтнѣй зорь боевой нарядъ...

Разскажу я имъ, баснословъ-баянъ,
Что въ родныхъ стѣняхъ порѣдѣлъ туманъ,
Что сокрылися гады, филины,
Супротивники пересилены,

Что крещеный людъ на завалинахъ,
Словно вешній дѣвътъ на прогалинахъ...

Ахъ, не въ руку сонъ! Сѣдовласый боръ
Чуда-терема сторожить затворъ:
На сѣдыхъ щекахъ слезовая смоль,
Межъ бровей-трусобъ вѣщей думы боль.

— — —

Низкая, деревенская заря,—
Ленъ съ берестой и съ воскомъ солома.
Здѣсь все стоитъ за Царя
Изъ Давидова краснаго дома.

Стогъ горбатый и логъ стоятъ,
Повязалася рига платомъ:
Дескать, лють окромѣшный адъ,
Но и онъ доводится братомъ.

Щиплетъ корпію нищій лѣсокъ,
Въ рѣчкѣ мокнуть отъ ранъ повязки.
Гдѣ же слезъ помынный потокъ
Или горести книжныя, сказки?

И Некрасовъ, бумажный лгунъ,—
Богъ не чуетъ мужицкаго стона?
Ликъ Царя, и двѣнадцать лунъ
Избяная таитъ икона.

Но луна, по прозванью Февраль,
Вознеслась съ державной божницы—
И за далью взыграла сталь,
Заширяли красныя птицы.

На престолѣ завылъ выжлець:
«Горе, въ отпрыскахъ корень Давида!»
Съ вѣчевыхъ Новгородскихъ крылець
Въ Русь сошла золотая Обида.

Въ ручкѣ грамота: Воля, Земля,
На груди образокъ Рублевскій.
И, Карельскую рожь меля,
Дѣдъ учуялъ ладанъ московскій.

А въ хлѣвушкѣ, гдѣ духъ вымянъ,
За удоемъ кривая Лукерья
Въ явь прозрѣла Индійскихъ странъ
Самоцвѣты, парчу и перья.

О, колдуй, избяная луна!—
Ужъ Рублёвъ, въ пестрядномъ балахонцѣ,
Расписаль; глубже смертнаго сна,
У лѣсной церквушки оконце.

Отъ зари восковой вѣтерокъ
Льнетъ, какъ воскъ, къ бородамъ дубле-
нымъ:—
То гадаетъ Сермяжный Востокъ
О судьбѣ по малиновымъ звонамъ.

Простятся вамъ столѣтій иго
И все, чѣмъ страшенъ казни часъ,
Вражда тупыхъ, и мудрыхъ книги,
Какъ змѣи, жалящія насъ.

Придетъ пора, и будутъ сыты
Нездѣшней мудростью умы,
И надмогильныя ракиты
Зазеленѣютъ средь зимы.

Я—посвященный отъ народа,
На мнѣ Великая Печать,
И на чело свое природа
Мою пріяла благодать.

Вотъ почему на рѣчкѣ ряби,
Въ ракидахъ вѣтеръ-Алконостъ
Поетъ о Меккѣ и арабѣ,
Прозрѣвшихъ ликъ Карельскихъ звѣздъ.

Всѣ племена въ единомъ слиты:
Алжиръ, оранжевый Бомбей
Въ кисетѣ дѣдовскомъ защиты
До золотыхъ, воскресныхъ дней.

Есть въ сивкѣ доброе, слоновье,
И въ еляхъ финиковый шумъ,—
Какъ гость въ зырянское зимовье
Приходитъ пестрый Эрзерумъ.

Китай за чайником мурлычить,
Чикаго смотреть чугуномъ...
Не Ярославна рано кычетъ
На зоборалѣ городскомъ,—

То богоносный духъ поэта
Надъ бурной родиной парить;
Она въ громовый плащъ одѣта,
Перековавъ луну на щить.

Левіаоанъ, Молохъ съ Вааломъ—
Ея враги. Смертеленъ бой.
Но кротокъ лучъ надъ Валаамомъ,
Цѣлюясь съ Ладожской волной.

А тамъ, гдѣ снѣжную Печору
Полою заститъ небосклонъ,
Въ окно къ тресковому помору
Стучится дѣдъ—пурговый сонъ.

Пусть кладенечные изломы
Враговъ, какъ молнія, разятъ,—
Есть на Руси живыя дремы—
Невозмутимый, свѣтлый садъ.

Онъ въ вербной слезкѣ, въ думѣ бабьей,
Въ Богоявленьи наяву,
И въ дудкѣ вѣтра объ арабѣ.
Прозрѣвшемъ Звѣздную Москву.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Въ часъ зловѣщій, въ часъ могильный.

Объ одномъ тебя молю:

Не смотри съ тоской безсильной

На восходную зарю.

Но, вѣрна словамъ завѣта,

Слезы робости утри,

И на проблески разсвѣта

Торжествующе смотри.

Не забудь за далью мрачной,

Средь волнующихъ заботъ,

Что взошелъ я новобрачно

По зарѣ на эшафотъ;

Что, осливъ злое горе,

Ложью жизни не дыша,

Въ заревое пала море

Огнекрылая душа.

Я надѣну черную рубаху,
И вослѣдъ за мутнымъ фонаремъ
По камнямъ двора пройду на плаху
Съ молчаливо-ласковымъ лицомъ.

Вспомню маму, крашеную прялку,
Синій вечеръ, дрему паутинъ,
За окномъ ночующую галку,
На окнѣ любимый бальзаминъ,

Луговинъ поёмные просторы,
Тишину обкошенной межи,
Облаковъ жемчужные узоры
И дѣвичью пѣсенку во ржи:

«Узкая полосынька
Клинышкомъ сошлась,—
Не во-время косынька
На двѣ расплелась.

Развилась по спинушкѣ.
Какъ льняная плеть,—
Не тебѣ, дѣтинушкѣ,
Дѣвушкой владѣть.

Дерева вилаваго
Съ маху не срубить.—
Парня разудалаго
Силой не любить.

Бѣлая березынька
Клонится къ дождю...
Не кукуй, загозынька,
Про судьбу мою»...

Но прервутъ куранты крѣпостныя
Пѣсню-думу боемъ роковымъ...
Бредъ души! То заводи рѣчныя
Съ тростникомъ поютъ береговымъ.

Сердца сонъ, кромѣшный, какъ могила!
Опустилъ свой нарусъ рыбарь-день.
И слезятся жалостно и хило
Огоньки прибрежныхъ деревень.

ПУЛЕМЕТЪ.

Пулеметь... Окончаніе—медь...
Видно сладостенъ онъ для оочихъ
Пробуравить свинцомъ народъ—
Непомѣрныя, звѣздныя очи.

Ранить Глубь, на божницѣ вербу,
Бѣлый сонъ купальскихъ березокъ.
Погляди за суслоновъ гурьбу:
Сколько въ полѣ крылатыхъ повозокъ.

То летучій Христовъ Лазаретъ
Совершаетъ Земли врачеванье,
И, какъ няня, небесный кларнетъ
Напѣваетъ сѣдое сказанье:

„Утолятся твои вереда,
Раны, пролежни, злые отеки;
Неневѣстная, будь же тверда
До гремящей звѣзды на востокѣ!

Подъ Лучемъ заскулить пулеметь,
Сбросить когти, и кожу стальную“...
Не спроста буреломный народъ
Уповаеть на пѣсню родную.

Есть на свѣтѣ край обширный,
Гдѣ растутъ сосна да ель,
Неизслѣдный и пустынный,—
Русской скорби колыбель.

Въ этомъ краѣ тьмы и горя
Есть забытая тюрьма,
Какъ скала на глади моря,
Неподвижна и нѣма.

За оградою высокой
Изъ гранитныхъ сѣрыхъ плитъ,
Пташкой плѣнной, одинокой
Въ башнѣ дѣвушка сидитъ.

Злой кручиною объята,
Все томится, воли ждетъ,
Отъ разсвѣта до заката,
День за днемъ, за годомъ годъ.

Но крѣпки дверей запоры,
Недоступно страшень сводъ,
Эхо дикаго простора
Въ казематъ не донесетъ.

Только вѣтеръ перепѣвный
Шепчетъ ей издалика:
«Не томись, моя царевна,
Радость свѣтлая близка.

За чертой зари туманной,
Въ ослѣпительной бронѣ,
Мчится витязь долгожданный
На вспѣненномъ скакунѣ».

Пусть черенъ дымъ кровавыхъ мятежей
И рыщетъ Оторопь во мракѣ,—
Ужъ отточены миллионы ножей
На васъ, гробовые вурдалаки!

Вы изгрызли душу народа,
Загадили свѣтлый Божій садъ,
Не будетъ ни ладьи, ни парохода
Для отплытья вашего въ гнойный адъ.

Керенками вымощенный проселокъ —
Вашъ лукавый искаріотскій путь;
Христосъ отдохнетъ отъ терновыхъ по-
локъ,

И легко вздохнетъ народная грудь.

Сгинуть кровосмѣсители, проститутки,
Церковныя кружки и барскій шикъ,
Будутъ ангелы срывать незабудки
Съ луговинъ, гдѣ былъ лагерь пикъ.

Бедуинамъ и желтымъ Корейцамъ
Не будетъ запретнымъ нашъ храмъ...
Слава мученикамъ и красноармейцамъ,
И сермяжнымъ совѣтскимъ властямъ!

Русскіе юноши, дѣвушки, отзовитесь:
Вспомните Разина и Перовскую Софію!
Въ львицу красную вѣру креститесь,
Въ гибели славьте невѣсту-Россію!

Вечерь ржавой позолотой
Красить тучь изгибъ.
Заболѣю за работой,
Подъ гудочный хрипъ.

Прибреду въ подвальный уголь —
Въ гнилозубый ротъ...
Много страховъ, черныхъ пугаль
Темень приведетъ.

Перепутаетъ спросонка
Стрѣлка ходъ минутъ...
Убаюкайте совенка
Сосны, старый прудъ!

Мама, дѣдушка Савелій,
Лавка глаже щекъ...
Темень каркнетъ у постели:
„Умеръ паренёкъ“.

По одежинѣ—фабричный,
Лицомъ же—бѣлесъ...
И положить въ гробъ больничный
Лавку, старый лѣсъ.

Сказку мамину на сердце,
Въ изголовье—прудъ.
Убиеннаго младенца
Ангелы возьмутъ.

Къ дѣду-Боженькѣ, рыдая,
Я щекой прильну:
«Тамъ, гдѣ гарь и копотъ злая,
Вырасти сосну!

Страшно, дѣдушка, у домны
Голубю-душѣ»..
И раздастся голосъ громный
Въ звѣздномъ шалашѣ:

«Полетайте, серафимы,
Въ преисподній долъ,
Тамъ для пилъ неуязвимый
Вырастите стволъ.

Расплесните скатерть хвои,
Звѣзды шишекъ, смоль,
Чтобы праведные Нои
Утолили боль.

Чтобъ отъ смоль янтарно-пѣгій,
Какъ лѣсной закатъ,
Пріютилъ мон ковчеги
Хвойный Араратъ!>

ПАХАРЬ.

Вы на себя плетете петли
И наостряете мечи.
Ищу вотще: межъ вами нѣтъ ли
Разсвѣта алчущихъ въ ночи?

На мнѣ убогая сермяга,
Худая обувь на ногахъ,
Но сколько радости и блага
Сквозитъ въ поруганныхъ чертахъ.

Въ мой хлѣбъ мѣшаете вы пепелъ.
Отраву горькую—въ вино,
Но я, какъ небо, мудро-свѣтелъ
И неразгадаю, какъ оно.

Вы обошли моря и сушу,
Къ созвѣздыямъ взвели корабли,
И лишь меня—мирскую душу,
Какъ жалкій соръ, пренебрегли.

Работникъ родины свободной
На нивѣ жизни и труда,
Могу ль я васъ, какъ тернъ негодный,
Не вырвать съ корнемъ навсегда?

По тропѣ-дороженькѣ
Могота-ль брести.
Ой, вы руки, ноженьки —
Страдные пути!

Въ старину по кладочкамъ
Тачку я катаю,
На привалѣ давеча
Вспомнилъ, зарыдалъ.

На заводскомъ промыслѣ
Жизнь не дорога...
Ой, вы думы-розмысли.
Тучи да снѣга!

Изъ подваловъ, изъ темныхъ угловъ,
Отъ машинъ и печей огнеглазыхъ
Мы возстали могучѣй громовъ,
Чтобъ увидѣть все небо въ алмазахъ,
Уловить серафимовъ хвалы,
Причаститься изъ Спасовой чаши!
Наши юноши—въ тучахъ орлы,
Звѣздъ задумчивѣй дѣвушки наши.

Городъ-дьяволъ копытами билъ,
Устрашая насъ каменнымъ зѣвомъ.
У страдальческихъ теплыхъ могилъ
Обручились мы съ пламеннымъ гнѣвомъ.
Гнѣвъ повелъ насъ на тюрьмы, дворцы.
Гдѣ на правду оковы ковались...
Не забыть, какъ съ дѣтями отцы
И съ невѣстою милый прощались...

Мостовыя расскажутъ о насъ,
Камни знаютъ кровавыя были...
Въ золотой, побѣдительный часъ
Мы сраженныхъ орловъ схоронили.

Поле Марсово—красный курганъ,
Храмъ побѣды и крови невинной...
На державу лазоревыхъ странъ
Мы помазаны кровью орлиной.

Въ морозной мглѣ, какъ око сычье,
Луна-дозорщица глядитъ;
Какое свѣтлое величье
Въ природѣ мертвенной сквозитъ.

Какъ будто въ полѣ, мглой объятюмъ,
Для правыхъ подвиговъ и силъ,
Подъ сребротканымъ, снѣжнымъ платомъ,
Прекрасный витязь опочилъ.

О, кто ты, родина? Старуха?
Иль властноокая жена?
Для пѣспотворческаго духа
Ты полнозвучна и ясна.

Твои черты Январь-волшебникъ
Туманитъ вьюгой снѣговой,
И схимникъ-боръ читаетъ требникъ,
Какъ надъ умершею тобой.

Но ты во вѣкъ неуязвима,
Для смерти яростныхъ зубовъ,
Какъ мать, какъ женщина, любима
Семьей отверженныхъ сыновъ.

На ихъ любовь въ плѣну угрюмомъ,
На волнъ пламенный недугъ
Ты отвѣчаешь бора шумомъ,
Мерцаемъ звѣздъ да свистомъ вьюгъ.

О, изреки: какія боли,
Ярмо какое изнести,
Чтобъ въ тайники твоихъ разломѣй
Открылись торные пути?

Чтобъ, неизбывная доселѣ,
Родная сгинула тоска,
И легкозвоннѣ метели,
Слетала пѣсня съ языка?

Уму—республика, а сердцу—Матерь-Русь.
Предъ пастью львиною отъ ней не отрекусь.
Пусть камнемъ стану я, корягою иль мхомъ,—
Моя слеза, мой вздохъ о Китежѣ родномъ,
О небѣ пестрядномъ, гдѣ звѣзды—комары,
Гдѣ съ аспидомъ дитя играютъ у норы.
Гдѣ солнечная печь ковригами полна,
И киноварный рай дремливѣ челна...

Упокой, Господи, душу раба Твоего!..

Желѣзный небоскребъ, фабричная труба.
Твоя-ль о, родина, потайная судьба!
Твои сыны-волхвы—багрянородный трудъ
Вертепу Господа иль Ироду несутъ?
Пригрезятся ли имъ за яростнымъ горномъ
Садъ бѣлый, восковой, и златобревный
домъ,—

Берестянный придѣлъ, гдѣ отрокъ Пантелей
На пролежни земли леть муро и елей...

Изведи изъ темницы душу мою!..

Подъ краснымъ знаменемъ рудѣть бѣлый
духъ,
И съ крыльевъ Михаилъ стряхаетъ меч-
ный пухъ,
Чтобъ въ битвѣ съ Сатаной желѣзноперымъ
стать,—

Адама возродить и Еву—жизни мать,
Чтобъ Дьяволъ сталъ овдой послушной и
простой,
А Лихо черное—граченкомъ за сохой,
Клевало-бъ червяковъ и сладкихъ гусеницъ
Подъ радостный раскатъ небесныхъ ко-
лесницъ...

Святъ, святъ, Господь Богъ Саваоѣ!

Уму—республика, а сердцу—Китежь-градъ,
Гдѣ шука пѣстуетъ янтарныхъ окунять,
Гдѣ няюшка-Судьба всхрапнула за чул-
комъ,
И покумился серпъ съ пытливымъ василь-
комъ.

Гдѣ тайна, какъ полей синбющая таль...
О, тысяча девятьсотъ семнадцатый Февраль!—
Подъ вербную капель и подъ грачинный
грай.

Ты выпежь дружкинь хлѣбъ и брачный
каравай,

Чтобъ Русь благословить къ желанному
вѣнцу...

Я запоздалый свать, мигъ пѣсня не къ лицу,
Но сердце—бубенецъ подъ свадебной дугой—
Глодаетъ птичій грай и воздухъ золотой...

Сей день, его же сотвори Господь,
Возрадуемся и возвеселимся въ оны!

Безъ посоховъ, безъ злата
Мы двинулися въ 'путь;
Пустыня мглой объята,—
Намъ негдѣ отдохнуть.

Здѣсь войны погибли;
Лежатъ булатъ, щиты...
Предъ нами вѣчныхъ библий
Развернуты листы.

Въ божественныя строки,
Дрожа, вникаемъ мы,
Слагаемъ, одиноки,
Орлиные псалмы.

О, кто пойметъ, услышитъ,
Псалмовъ высокій ладъ?
А гдѣ-то росно дышитъ
Черемуховый садъ.

За створчатою рамою
Малиновъй платокъ,—
Туда ведетъ насъ прямо
Тысячелѣтній рокъ.

Пахнуло смольнымъ медомъ
Съ березовыхъ лядинъ...
Изъ насъ съ Садко-народомъ
Не згинетъ ни одинъ.

У Садко—самогуды,
Стозвонная молва;
У насъ—стихи-причуды,
Заморскія слова.

У Садко—цвѣтъ-призорникъ,
Жаръ-птица, синь-туманъ;
У насъ—плакунъ-терновникъ,
И кровь гвоздиныхъ ранъ.

Пустыня на утратѣ,
Пора исчислить путь,
У Садко въ красной хатѣ
Отъ странствій отдохнуть.

СВЯТАЯ БЫЛЬ.

Солетали ко мнѣ други-воины
Съ братолюбнымъ увѣтомъ да ласкою,
Приносили гостинцы небесныя,
Воду, хлѣбъ, винограды Адамовы,
Благовѣстное вѣтвіе раево.
Вопрошали меня гости-воины:
Ты отвѣтствуй, скажи, добрый молодецъ,
Отчего ты душою кручинишься,
Какъ подъ вихоремъ ель, клонишь голову?
Износилось ли платье стожарное,
Загусьмъ ли вѣнецъ зарнокованный,
Али звѣздныя перстни осыпались,
Али райская пѣсня не ладится?
Я на спросъ огнекрылымъ отвѣтствовалъ:
Ай же, други, небесныя витязи,
Мое платье—заря, вѣнецъ—радуга,

Перстни—звѣзды, а пѣсни, что вихори,
Камшо, травкѣ и звѣрю утѣшныя;
А кручилюсь, сумлююсь я, дружепьки,
По землѣ святорусскія-матери:
На нее вѣка я съ небесъ взиралъ,
Къ ней звѣздой слетѣвъ, человѣкомъ сталъ;
Двадцать бѣлыхъ зимъ, весень, осеней
Я дышу земнымъ браннымъ воздухомъ,
Вижу горъ алтарь, степь-кадильницу,
Боръ—притинъ молитвъ, думъ убѣжище,—
Всѣмъ по духу братъ, съ человѣками
Разошелся я жизнью внутренней...

Святорусскій людъ темень разумомъ,
Страшенъ косностью, лють обычаемъ;
Онъ на зеленъ боръ топоры востритъ,
Замурудъ стеной губить польмемъ.
Передъ сильнымъ—червь, онъ про слабого
За сивухи ковшъ яму выроетъ,
Онъ на цвѣтъ полей тучей хмурится,
На красу небесъ не оглянется...

Опустивъ мечи и скрестивъ крыла,
Мой навѣтъ друзья, чутко слушали.
Какъ весенній громъ на поля дохнетъ,
Какъ въ горахъ разсвѣтъ зоемъ скажется,

Такъ одинъ изъ нихъ взвѣялъ голосомъ:
«Миръ и миръ тебѣ, одноотчій братъ,
Миръ устамъ твоимъ, слову каждому!
Мы къ твоимъ рѣчамъ приклонили слухъ,
И дадимъ отвѣтъ по разумію.»
Тутъ взмахнулъ мечомъ свѣтозарный гость,
Разсѣкалъ мою клѣть тѣлесную,
Выпускалъ меня, словно голубя,
Подъ зенитный кругъ, въ Божьи воздушы;
И открылось мнѣ: Глубина Глубинъ,
Незакатный Свѣтъ, только Свѣтъ одинъ!
Только громы кругомъ откликаются,
Только горъ алтари озаряются,
Только крылья кругомъ развѣваются!
И звучитъ надъ горами: Побѣда и Миръ!
Въ безконечности духа безсмертія ниръ.

На божницѣ табаку осьмина,
И раскосый вымущенный Спасъ,
Не поеть кудесница-лучина
Про мужицкій сладостный Ширазь.

Древо пѣсни бурю разбито,—
Не Трїодъ, а Каутскій въ углу.
За окномъ расхлябанное сито
Сѣть копотъ, изморозъ и мглу.

Пучить печь свои печурки-бѣльма:
«Я ослѣпла, какъ скорбящій дѣдъ»...
Грезить парень стачкой и Палермо,
Президентомъ, гаркомъ кастаньетъ.

Сказка—чуть, а тайна—коршунъ сѣрый,
Что когтитъ, какъ перепела, умъ.¹
Облетѣль цвѣтокъ купальской вѣры
Въ слезный рай, въ озимый древній шумъ!

Кто-то черный, съ пастью яро-львиной,
Всталъ на стражѣ полдней и ночей.
Дѣдъ, какъ волхвъ, душою пестрядиной,
Заглядѣся въ хляби думъ-морей.

Смертны волны львиного поморья,
Но въ коггисто-жадной глубинѣ
Серебрится чайкой тѣнь Егорья
На бурушомъ, гибельномъ конѣ.

«Страстотерпецъ, вызволь цвѣтикъ-ма-
ковъ!—

Китежъ-градъ ужалилъ лютый гадъ»...
За пургой же Глинка и Корсаковъ
Запѣваютъ: «Расцвѣтай мой садъ!»...

ПѢСНЯ О СОКОЛѢ И О ТРЕХЪ
ПТИЦАХЪ БОЖИИХЪ.

Какъ по озеру бурливому,
По Онегушку шумливому,
На песокъ-луду намоѣнную,
На коряжицу надводную,
Что-ль на тотъ горючій камешекъ,—
Прибережный камень муромскій,—
Птицы вѣщія слетались,
Отъ тумановъ отряхались.
Перва птица—Куропъ снѣжная,
Друга—черная Габучина,
А какъ третья птица вѣщая—
Дребезда золотоперая.
Взговорила Куропъ бѣлая
Человѣчьимъ звонкимъ голосомъ:
Ай же, птицы вы летучія,—

Дребезда и ты, Габучина,
Вы летѣли мимо острова,
Миновали море около,
А не видали-ль змѣя пестраго
Что-ль того Лихого Сокола?
Отвѣчали птицы мудрыя:
Ай же, Куропь бѣлокрылая,
Божья птица неповишная,
У тебя ль перо Архангела,
Голось грома поднебснаго,—
Соколь врагъ, змѣя суровая,
Та ли погань стоголовая,
Обрядился не на островѣ,
Схоронился не на ростани,
А нависъ погодной тучею,
Разметался гривой долгою,
Надо святъ-рѣкой текучею—
Крутобережною Волгою.
Отъ налета соколинаго,
Злого посвиста змѣинаго,
Волга-рѣчепка смутилася,
Въ сипе море отшатилася...
Ой, не звоны колокольные
Никнуть къ земли, бродять около,—
Стонуть люди полоненные
Отъ налета злого Сокола.

И не пѣсня заушывная
Надъ полями разливается,—
То плакунъ-трава могильная
Съ жалкимъ порохомя склоняется!..

Мы слетѣлись, птицы умныя,
На совѣтъ, на думу крѣпкую,
Со того ли саду райскаго—
Съ кипариса—Божья дерева.
Мы удумаемъ по-птичьему,
Сгломонимъ по-человѣчьему:
Я—Габучина безгрѣшная,
Птица темная, кромѣшная,
Затуманю разумъ Соколу,
Очи выключю у сѣраго,
Чтобъ ни близъ себя, ни около
Не узналъ онъ свѣта бѣлаго.
Дребезда тутъ рѣчь сговорила:
Я развѣю перья красныя
На равнины святорусскія,
Въ буруны озеръ опасныя,
Что ль во тѣхъ лп рѣчки узкія
Гдѣ падеть перо небесное,
Тамъ слѣпыя станутъ зрячими,
Хромоногіе—ходячими,
Безъязыкіе—рѣчистыми,

Темноумные — лучистыми.
Гдѣ падеть перо кровавое,
Тамъ сыра земля разступится,
Море синее насупится,
Вздыметъ волны надъ дубравою—
Захлестнетъ Лихого Сокола,
Его силищу неправую,
Занесетъ кругомъ и около
Глиной желтою, горшечною,
И споетъ съ побѣдной славою
Надъ могилой память вѣчную.
Прибредетъ мужикъ на глинянникъ,
Кирпича съ руды натяпаетъ
На печушку хлѣбопечную,
На завалину запечную,
Станетъ въ стужу полузимнюю
Спину грѣть да приговаривать:
Вотъ те слава Соколиная—
Ты безславьемъ опозорилась.
Напослѣдокъ слово молвила
Куропь-птица бѣлоперая:
А какъ я,—росой вспоенная,
Свѣтлымъ облакомъ вскормленная,—
Возлечу въ обитель Божию,
Къ Саваофову подножію,
Запою стихиру длинную,

Сладословную, умильную.
Ту стихиру во долинушкѣ
Молодой пастухъ дослушаетъ,
Свѣситъ голову дѣтинушка,
Отмахнетъ слезу рубахою
И подъ дудочку свирѣмьную
Сложитъ новую бывальщину.
Аминь.

МАТРОСЪ.

Грохочеть Балтійское море,
И, пѣнясь въ расщелинахъ скалъ,
Какъ левъ разъярившійся въ ссорѣ,
Рычитъ набѣгающій валъ.

Со стономъ другой, подоспѣвшій,
О каменный бьется уступъ,
И лижетъ въ камняхъ посинѣвшій,
Холодный, безжизненный трупъ.

Недвижно лицо молодое,
Недвиженъ гранитный утесъ...
Замученъ за дѣло святое
Безжалостно юный матросъ.

Не въ грозномъ бою съ супостатомъ,
Не въ чуждой, далекой землѣ,
Убитъ онъ своимъ же собратомъ,—
Казненъ на родномъ кораблѣ.

Погибъ онъ въ борьбѣ за свободу
За правду святую и честь...
Снесите же, волны, народу,—
Отчизнѣ послѣднюю вѣсть.

Снесите родной деревушкѣ
Посмертный, рыдающій стонъ,
И матери, бѣдной старушкѣ,
Отъ павшаго сына—поклонъ!

Рыдаетъ холодное море,
Молчить непривѣтная даль,
Темна, какъ народное горе,
Какъ русская злая печаль.

Плыветъ полумѣсяцъ багровый,
И кровью въ пучинѣ дрожить...
О, гдѣ же тотъ мститель суровый,
Который за кровь отомститъ!

Рыжее жнивье—какъ книга,
Борозды— древняя вязь.
Мыслить начетчица-рига,
Свѣтлымъ реченьямъ дивясь.

Поть трудолюбца-Юля,
Сказку кряжистой избы,—
Все начертала косуля
Въ книгѣ народной судьбы.

Полно скорбѣть, человѣче,
Счастье дается въ чередь...
Тучку—клубъ шерсти овечьей—
Лѣшева бабка прядеть.

Вѣтромъ гудитъ веретнице,
Маревомъ тянется нить...
Время въ глубокомъ мочищѣ
Лень съ конопелью мочить.

Изморозь стелеть рогожи,
Зябнётъ калины кора,—
Выдубить бѣлыя кожи
Дѣду приспѣла пора.

Зыбку, съ чепцомъ одѣяльце,
Прочить болѣзная мать,—
Знай, что кудрявому мальцу
Тяжкой по осени стать.

Что начертала косуля,
Все оборотится въ быль...
Эхъ-ма! Лебедка-Акуля,
Спой: «Не шуми, чернобыль!»

ОСИНУШКА.

Ахъ, кому судьбицушка
Ворожитъ бѣду:
Горькая осинушка
Ронитъ листь-руду.

Польмемъ разубрана,
Вся краснымъ красна,
Можетъ быть, подрублена
Топоромъ она.

Можетъ, червоточина
Гложетъ сердце ей,
Черная проточина
Вѣвлась межъ корней.

Облака по просини
Крутятся въ кольцо.
Отъ судины-осени
Вянетъ деревцо.

Ой, заря-осинушка,
Златоцвѣтный лѣтъ,
У тебя дѣтинушка
Разума займетъ!

Чтобы сны стожарные
Въ явь оборотить,
Думы—листья зарные—
По вѣтру пустить.

ПОВОЛЖСКИЙ СКАЗЪ.

Собиралися въ ночнину,
Становилися въ тѣсный кругъ:
«Кто старшой, кому по чину
Повести за стругомъ стругъ?

Есть Ивапко Шестипальйй,
Васька Красный, Кудеяръ,
Заугольшъ, Рямза, Чальйй,
И Размыкушка-гусяръ.

Стать негоже Кудеяру,
Рямзѣ съ Васькой-яруномъ!
Порѣшили: «Быть гусяру
Струговодомъ-большакомъ!

Онъ доселѣ тѣшилъ братовъ,
Не застаивалъ вѣтрилъ,
Сызрань, Астрахань, Саратовъ
Въ небо полымемъ пустилъ».

Въ епанчу, поверхъ кольчуги,
Оболокъ Размыка станъ
И повелъ лихіе струги
На слободку Еруслаанъ.

Пльми долго аль коротко,
Обогнули Жигули,
Еруслаповой слободки
Не видали, не нашли.

Закручинились орлята:
Навожденъ чѣмъ избытъ?
—Отступною данью-платой
Волгѣ гусли подарить...

Воротилися въ станица,
Что ни стругъ, то сирота,
Буруны разѣли днища,
Червоточина—борта.

Объявилась горечь въ брагѣ.
Привелось, хоть тяжело,
Понести лихой ватагѣ
Черпосошное тягло.

И доселѣ по Поволожью
Живы слухи: въ ледоходѣ
Самогуды звучной дрожью
Оглашаютъ глуби воль.

Кто провѣдаеть-учуеть
Половодный, вѣщій сказъ,
Тотъ навѣки зажалкуеть,
Не сведеть съ пучины глазъ.

Для того туманъ порѣчій—
Стружный парусъ, гуль вавовъ—
Перекатный рокоть сѣчи,
Удалой, повольный зовъ.

Дрожь осоки—шопоть жаркій.
Огневая вспышка струй—
Зарноокой полонянки
Приворотный поцѣлуй.

КОММУНА.

Боже, Свободу храни,—
Краснаго Государя Коммуны,
Дай ему долгіе дни
И въ вѣнецъ лучезарныя луны!

Дай ему скипетръ—зарю,
Молнію—мечъ правосудный!..
Мы Огневому Царю
Выстроимъ теремъ пречудный:

Разумъ положимъ въ углы,
Окна—чистѣйшая совѣсть...
Братскія груди-котлы
Выварять звѣздную повѣсть.

Повѣсть потомки прочтутъ,—
Строкъ преисподнія глуби...
Ярый, строительный трудъ
Только отважный полюбитъ.

Боже, Коммуну храни—
Краснаго міра подругу!
Наши набатные дни—
Гуси, летящіе къ югу.

Тамъ голубой океанъ,
Дали и теплыя мели...
Ала Россія отъ ранъ,
Отъ огневодной купели.

Сладко креститься въ огнѣ,
Искры въ знамена свивая,
Пасть и очнуться на днѣ
Невозмутимаго рая.

МУЧЕНИКЪ.

«Не бойтесь убивающихъ
тѣло,
Души же не могущихъ
убить!»
Еванг. отъ Мате., гл. 10, 28.

Какъ вора дерзкаго, меня
У града врагъ не стерегите,
И подъ кувшинами огня
Соглядатаино не храните.

Едва уснувшій небосклонъ
Забрезжитъ тайшой неразгадной,
Меня князей спедрионъ
Осудитъ казни безошадной.

Обезображенная плоть
Попикнетъ долу зрѣлымъ плодомъ.
Но живъ мой духъ, какъ живъ Господь,
Какъ сѣвъ пшеничный передъ восходомъ.

Еще безчувственна земля,
Но проплывают тучи мимо.
И, тонкимъ ладономъ куря,
Проходитъ пажитью Незримый.

Его одежды, чуть шурша,
Неуловимы брешнымъ слухомъ,
Какъ одуванчика душа,
Въ лазури тающая пухомъ.

Ты все келейнѣ и строже,
Непостижимѣ на взглядъ...
О, кто же, милостивый Боже,
Въ твоей печали виновать?

И косы пепельныя глаже,
Чѣмъ раньше, стягиваешь ты,
Глухая мать сидитъ за пряжей—
На поминальные холсты.

Она нездѣшнее постигла,
Какъ ты, молитвенно строга...
Блуждаютъ солнечныя иглы
По колесу отъ очага.

Зимы предчувствіемъ объаты,
Рыдаютъ сосны на бору;
Опять глухіе казематы
Тебѣ приснятся ввечеру.

Лишь станут сумерки синѣе,
Туманъ окутаетъ рѣку,—
Отецъ, съ веревкою на шеѣ,
Придетъ и сядетъ къ камельку.

Женихъ съ прострѣленною грудью,
Сестра, погибшая въ бою,—
Всѣ по вечернему безлюдью
Сойдутся въ хижину твою,

А Смерть останется за дверью,
Какъ ночь, загадочно темна.
И до разсвѣта суевѣрью
Ты будешь слѣпо предана.

И не повѣришь яви зрячей,
Когда торжественно въ почи
Тебѣ за боль, за подвигъ плача,
Вручатся вѣчности ключи.

Меня Распутинымъ назвали,
Въ стихѣ разстригой, безъ вины,
За то, что я изъ хвойной дали
Моей бревенчатой страны,

Что души печи и телѣги
Въ моихъ колдующихъ зрачкахъ,
И ледовитый плескъ Онеги
Въ самосожженческихъ стихахъ.

Что васильковая поддевка,
Межъ коленкоровыхъ мимозъ,
Я пугачевскою веревкой
Перевязалъ искусства возъ.

Картавить дружба: «святотатецъ».
Пріятство: «хамъ и конокрадъ».
Но мастера небесныхъ матицъ
Воздвигли вѣщему Царьградъ.

Въ тысячестолпную Софію
Стекутся звѣрь и человѣкъ.
Я Алкопостную Россію
Запиралъ въ дѣдовскій сусѣкъ.

У Алконоста перья—строчки,
Пушинки—звѣздныя слова;
Умрутъ Кольцовы-одиночки,
Но не лѣсовъ и рѣкъ молва.

Потомокъ бога Китовраса,
Сермяжныхъ Пудовъ и Вавилъ,
Угналъ съ Олимпа я Пегаса,
И въ конокрады угодилъ.

Утихомирися Пѣгаске,
Узнавъ полеты въ хомутѣ...
По Заонежью бродятъ сказки,
Что я женатъ на Красотѣ.

Что у меня въ суставѣ—утка,
А въ уткѣ—пѣсня-яицо...
Спелась съ кометою незабудка
Въ браконискусное кольцо.

За Евхаристіей шамановъ
Я отпилъ крови и огня,
И не оберточный Романовъ,
А вѣчность жалуешь меня.

Увы, для паюсныхъ умишекъ
Невнятенъ Огненный Талмудъ,
Что миллионы чарыхъ Гришекъ
За мной въ поэзію идутъ.

Милліонамъ ярыхъ ртовъ,
Огневыхъ, взалкавшихъ глотокъ,
Антидоръ моихъ стиховъ,
Строки ярче косоплетокъ.

Красный громъ въ моихъ крылахъ,
Буруны въ немолчномъ горлѣ,
И въ родимыхъ деревняхъ
Знають летъ и клетоть орміи.

Въ черпосошной глубинѣ
Есть блаженная дубрава,
Тамъ кручинятся по мгѣ
Двѣ сестры: Любовь и Слава.

И вселенскій день придетъ, —
Бракъ Любви съ орлиннымъ словомъ;
Вѣщій, гусельный народъ
Опочіетъ по дубровамъ.

Золотыя дерева
Свѣсятъ гроздьями созвучья,
Алконостами слова
Поразядутся на сучья.

Будеть птичпица-душа
Кормъ блюсти, стожары пуха.
И виссонами шурша,
Стихъ войдетъ въ чертоги духа.

Обезглавить карандашъ
Сводню старую—бумагу,
И слетятся въ мой шалашъ
Серафимы слушать сагу.

Милліоны звѣздныхъ ртовъ
Взалчуть пѣсни-антидора...
Я—полѣсникъ хвойныхъ словъ
Изъ Олонедкаго бора.

Распахнитесь, орлиныя крылья,
Бей набать и гремите, грома,—
Оборвалися цѣпи насилья
И разрушена жизни тюрьма!
Широки черноморскія степи,
Буйна Волга, Уралъ зматорудъ,—
Сгинь, кровавая плаха и цѣпи,
Каземать и неправедный судъ!

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ

трудовай

Идемъ мы на битву съ врагами,—

Довольно имъ властвовать нами!

На бой, па боіі!

Пролетѣла надъ Русью жарь-птица,
Ярый гнѣвъ зажигая въ груди...
Богородица наша Землица,—
Вольный хлѣбъ мужику уроди!
Сбылись думы и давніе слухи,—
Пробудился Народъ-Святогоръ;
Будеть медъ на домашней краюхѣ,
И на скатерти ярокъ узоръ.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами, —
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Хлѣбъ да соль, Костромичъ и Волянецъ,
Олончанинъ, Москвичъ, Сибирякъ!
Наша Волюшка—Божій гостинецъ—
Человѣчеству свѣтлый маякъ!
Отъ Байкала до теплаго Крыма
Расплеснется ржаной океанъ...
Ослѣпительнѣй ризъ серафима
Заревой Святогорю кафтанъ.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ
трудовой

Идемъ мы на битву съ врагами, —
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Ставьте-жъ свѣчи мужицкому Спасу!
Знанье—братъ и Наука—сестра, —
Ликъ пшеничный, съ брадой солнцевласой, —
Воплощенье любви и добра!
Оку Спасову сумракъ несносенъ,
Ненавистенъ телецъ золотой;
Китежъ-градъ, ладанъ Саровскихъ
сосенъ—

Вотъ нашъ рай вождедѣнный, родной.

ПОДДОННЫЙ ПСАЛОМЪ

ПОДДОННЫЙ ПСАЛОМЪ.

Что напишу и что реку, о Господи!
Какъ листъ осиновый въ писанія,
Всѣ книги и начертанія:
Нѣтъ слова неприточнаго,
По звуку целожпаго, непорочнаго;
Тяжелы душѣ писанья видимья,
И желѣзо живетъ въ буквахъ библій!

О, душа моя—чудище поддонное,
Стоглавое, многохвостое, тысячепудовое,
Прозри и виждь: свѣтъ брезжить!
Раскрымась ллія, что шире неба,
И колесница Зари Прощенія
Гремитъ по камнямъ небеснымъ!
О, ясли рождества моего,
Теплая зыбка младенчества,
Ясная келья отрочества,
Дубъ, юность мою осѣняющій,
Домъ крѣпкій, пространный и убранный,
Училище красоты простой
И слова воздушнаго,—

Шерсть въ чередъ съ роговицей лняеть,
А въ глазахъ человѣческой разумъ;
Тишиною вспоепныя овцы
Шелковистѣ вѣтра лѣсного;
Сыты кони овсяной молитвой
И подкованы вѣры желѣзомъ;
Ель Покоя жилье осѣняетъ,
А въ вѣтвяхъ ея Сиринъ гнѣздится:
Учить тайпамъ глубиннымъ хозяйку,—
Какъ взмѣсить нѣжныхъ красокъ опару;
Дрожжи звуковъ всевышнихъ не сквасить,
Чтобы выпечь животные хлѣбы,
Пищу жизни, вселенское брашно...

Побывалъ я подъ чудною елью
И отвѣдалъ животнаго хлѣба,
Видѣлъ горницу съ полкой божничной,
Гдѣ лежатъ два ключа золотые:
Первый ключъ отъ Могущества Двери,
А другой отъ Воротъ Воскрешенья...
Боже, сколько алчущихъ скрипа петель,
Взмаха створовъ дверныхъ и воротныхъ,
Милліоны вѣковъ у порога,
Какъ тумановъ полки надъ поморьемъ,
Какъ за полночью ледъ ледовитый!...

Есть моря черноводиѣ вара,
Липче смоль и тресковаго клея,
И недвижнѣи стопы Саваооа:
Отъ земли, словно искра изъ горна,
Какъ съ болоть цвѣтъ тресты пуховѣйной,
Возмаетъ душевное тѣло,
Чтобъ низринуться въ черныя воды—
Въ тѣ моря безъ теченья и ряби;
Бьется тѣло воздушное въ черни,
Словно въ ивовой вершѣ лососка;
По борбѣ же и смертномъ биеньи
Отъ души лоскутами снадаетъ.
Духъ же—свѣтлую рыбу чешуѣю,
Паутилку луча золотого—
Держитъ варъ безмаячнаго моря:
Подъ пятой пѣвѣсомой не гнется
И блуждаетъ онъ, сушей болѣя..
Но едва материкъ долгожданнѣи,
Какъ слеза за рѣсницей, забрезжитъ,
Духъ становится сохлымъ скелетомъ,
Хрупче мѣла, трухлявѣ трута,
Съ сѣрымъ коршуномъ-страхомъ въ глаз-
лицахъ,
Смерть вторую нежданно вкушая.

Боже, сколько умершихъ міровъ,
Безымянныхъ вселенскихъ гробовъ!

Азъ Богъ Вѣдаю Глаголь Добра—
Пять знаковъ чище серебра;
За ними вслѣдъ: Есть Жизнь Земли—
Три буквы—съ златомъ корабли,
И наослѣднн знакъ Ѡпта—
Змѣя безъ жала и хвоста..
О, Боже сладостный, ужель я въ малый мигъ
Родимой рѣчи таинство постигъ,
Прозрѣлъ, что въ языкѣ поруганномъ
моемъ
Живетъ Синайскій гласъ и вышній трубный
громъ;
Что пѣсно мужика: «Въ зеленыхъ лузяхъ»
Создать понудилъ звукъ, и тайнозрѣнья
страхъ?!

По Морю морей плывутъ корабли съ золо-
томъ:
Они причалютъ къ пристани того, кто бра-
томъ зоветъ Суцаго,
Кто, претерпѣвъ тѣломъ своимъ страданіе,
Все тѣлесное спасетъ отъ гибели
И явится Спасителемъ міра.

Приложитесь ко мнѣ, братья,
Къ язвамъ рукъ моихъ и ногъ:
Боль духовнаго зачатья
Рождествомъ я перемогъ!

Онъ родился—цвѣтикъ альпій,
Долгочаемый младень:
Сѣрый камень, сукъ опалый
Залазурились, какъ день.

Снова голубь Иорданскій
Надъ землею воспарилъ:
Въ зыбкѣ липовой крестьянской
Сынъ спасенья опочилъ.

Бѣйте, дѣвушки, холстины,
Печь топите для ковригъ:
Легче отблеска лучины
Къ намъ слетитъ Архистратигъ.

Пиръ мужицкій святъ и миренъ
Въ хлѣбномъ Спасовомъ раю,
Запоетъ на ели Сиринъ:
Баю-баюшки баю.

Отъ звѣзды до малой рыбки
Все возжаждетъ ярыхъ крыль,
И на скрипъ вселенской зыбки
Выйдутъ дѣды изъ могиль.

Станетъ радуга лампадой,
Море—складнемъ золотымъ,
Горнъ потухнувшего ада—
Полемя оранымъ мірскимъ.

По тому ли хлѣбоборью
Мы, какъ изморозь весной,
Канемъ въ Спасово поморье
Пестрядиною волной.

МѢДНЫЙ КИТЪ

МЪДНЫЙ КИТЬ.

Объявится Арахлигъ-градъ,
Украшенный ясписомъ и сардисомъ,
Станетъ подорожникъ кипарисомъ,
И кукушій лень обернется въ садъ.

Братья, это наша крестьянская, красная
культура,
Гдѣ звукоангелы сопостники людскихъ
пабѣдокъ и просонокъ!
Карнаухій котъ мудрѣй, чѣмъ Лемура,
И мозгъ Эдиссона унавозилъ въ вѣкахъ
поросенокъ.

Бодожекъ Каргапольскаго Бѣгуна—
коромысло вѣсовъ вселенной,
И бабкино веретено сучить бороду самого
Бога:—
Кто беременецъ соломою,—родитъ сѣно,
Чтобъ не пустовали ясли Міра—Великаго
Единорога.—

Вонъ пѣсни баркасъ—пламенѣющій парусъ,
Лады поговорокъ, расшива былинъ...
Увы! Оборвался Дивѣвскій гарусъ,
Увялъ Серафима Сарѳвскаго кринъ.

На духъ муроварницъ не выйдетъ
Топтыгинъ,

Не выловитъ чайка леда на уху...
Я вѣрю вамъ, братья Есенинъ, Чапыгинъ,—
Трудобнымъ рассказамъ и вѣтру-стиху:

Иносія-градъ, Бѣлый скитъ,—не Почаевъ,
Они—наши уды, Почаевъ же—трость.
Вписать въ житіе Аввакумовъ, Мамаевъ,
Чтобъ Богъ не забылъ черносошную кость.

И вспомнилъ Вселюбщій, снялъ семь
печатеі

Съ громовыхъ страницъ, съ ураганныхъ
миней,

И Спасъ Ярославскій на солнечномъ платѣ
Развѣялъ браду смертоноснѣ змѣи:—

Скуратовы очи, татарскія скулы,
Путина къ Царьграду—лукавій проборъ...
О, горе! Въ потырѣ ныряютъ акулы,
Тѣла пожирая и жертвенный соръ.

Всепѣтая Матерь сбѣжала съ иконы,
Чтобъ выюгой на Марсовомъ полѣ рыдать,
И съ Псковскою Ольгой, за желтыя боны,
Усатымъ мадырамъ себя продавать.

О, горе! Микола и свѣтлый Егорій
Съ поличнымъ попались: отмычка и ножъ...
Смердятъ облака, прокаженныя зори
На Божьей косицѣ стопогая вошь.

И вошь—наша гибель. Завшивѣло солнце,
И яростно чешетъ затылокъ луна.—
Рубите жъ Судьбину на баню съ оконцемъ,
За нимъ приспособныхъ небесъ глубина!

Глядите въ глубинность, тамъ роши—
смарагды,
Изъ ясписа даль, избяные коньки,—
То новая Русь—совладѣлица ада,
Гдѣ скованы дьяволъ и Ангелъ Тоски.

Вперяйтесь въ глубинность, тамъ нищѣ въ
бармахъ,
И съ дѣвушкой пляшетъ Кумачневый Спасъ
Не въ книгахъ дозрѣетъ, а въ Красныхъ
Казармахъ
Адамотворящій, космическій часъ.

Погибла Россія—съ опарой макитра,
Чернида-Калуга, перппный Устюгъ!
И новый Рублёвъ, океаны—палитра,
Надъ Ликомъ возводитъ стоярусный кругъ.—

То символы тверди плѣненной и сотой,
(Девятое небо пошло на плакать)
По горнымъ просѣлкамъ, крыматою ротой
Спѣшать серафимы въ Святой Петроградъ.

На Марсовомъ полѣ сегодня обѣдня
На тысячѣ красныхъ, живыхъ просфорахъ,
Матросская пѣсня каноновъ побѣднѣй,
И брезжать лампадки въ рабочихъ
штыкахъ.

Матросы, матросы, матросы, матросы—
Соленое слово, въ немъ глубь и коралль;—
Мы родимъ моря, золотые утесы,
Гдѣ гаги—слова для ловцовъ-Калевалъ.

Прости, Кострома въ душегрѣйкѣ шептухи!
За бурей «прости», словно саванъ, шуршитъ.
Насъ вывезетъ къ солнцу во Славѣ и Духѣ
Наядообразный, пымающий китъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Присловіе	4
Судьба-Гаргунъ.	
Пѣснь солденокса	8
Ленинъ	14
Господи, опять звонять	16
Свить сѣнный возъ мудрѣ	18
Февраль	20
Темнымъ зовамъ не вѣрить душа	23
Безотвѣтнымъ рабомъ	24
Жильцы гробовъ, проснитесь	25
Оскаль февральскаго окна	27
Осѣнюю могильною иконкой	28
Я принелъ къ тебѣ	29
Низкая деревенская заря	31
Простятся вамъ столѣтій иго	34
Я—посвященный отъ народа	35
Завѣщаніе	38
Я надѣну черную рубаху	39
Пулеметь	41

Есть на свѣтѣ край обширный	43
Пусть черенъ дымъ	45
Вечеръ ржавой позолотой	47
Пахарь	50
По тропѣ-дороженькѣ	52
Изъ подваловъ, изъ темныхъ угловъ	53
Въ морозной мглѣ, какъ око сычье	55
Уму—республика	57
Безъ посоховъ, безъ злата	60
Святая быль	62
На божницѣ — табаку осьмина	65
Пѣсня о соколѣ	67
Матросъ	73
Рыжее жнивье—какъ книга	74
Осинюшка	76
Поволжскій сказъ	78
Коммуна	81
Мученикъ	83
Ты все келейнѣе и строже	85
Меня Распутинымъ назвали	87
Милліонамъ ярыхъ ртовъ	90
Распахнитесь, орлиныя крылья	92
Поддонный псаломъ.	
Поддонный псаломъ	97
Мѣдный китъ.	
Мѣдный китъ	107

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
**Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красно-
 армейскихъ Депутатовъ.**

Смольный, 2-й этажъ, комната 51, тел.—34, контора —
 комн. 54.

Книжный магазинъ—Невскій, 116.

Вышли изъ печати:		Цена
	Р. К.	
Н. Афиногеновъ (Степной). «Записки ополченца»	1 25	
Гайкъ Ад-янцъ. «Крестыанскій вопросъ во Франціи»	— 55	
Ватинъ «Что такое коммуна?»	— 20	
В. Володарскій. «Наяутственная рѣчь агитаторамъ»	— 57	
«Враги ли евреи рабочимъ и крестьянамъ»	— 20	
«Вѣнокъ коммунаровъ», сборн. памяти В. Володарскаго съ рис.	2 —	
Н. Горловъ. «Темныя силы, война и погромы»	— 13	
«Евреи, классовая борьба и погромы»	— 10	
Г. Зиновьевъ. «Корни оборончества»	1 10	
Его же. «Наше положеніе и задачи созданія красной арміи»	— 25	
Его же. «Австрія и война»	1 80	
Его же. «Изъ исторіи пролетарск. праздни. 1 мая»	— 30	
Его же. «Г. В. Плехановъ». Въмѣсто рѣчи на могилѣ	— 45	
Его же. «Хлѣбъ, миръ и партія»	— 70	
Его же. «Рабочая партія и профессиональные союзы»	2 25	
К. Каутскій. «Наука, жизнь и этика»	— 30	
Его же. «К. Марксъ и его историческое значеніе»	1 25	
Его же. «Экономическое ученіе К. Маркса»	2 —	
Кій. «Что такое социализмъ?»	— 65	
П. Лафаргъ. «Вѣра въ Бога»	— 75	
Н. Ленинъ и Г. Зиновьевъ. «Противъ теченія» Печ. 2-е изд.	7 —	
В. Либнехтъ. «1848 годъ и коммуна»	1 30	
З. Дилина. «Солдаты тыла». Женскій трудъ до и послѣ войны	2 10	
А. Луначарскій и Г. Зиновьевъ. К. Марксъ и социал. рев.	— 65	
М. Лурье (Ю. Ларинъ). «Судъ надъ К. Либнехтомъ»	— 45	
Ленинъ. «Докладъ и заключительная рѣчь на 3-мъ всеросс. съѣздѣ Сов.»	— 12	
Радень. «Анархисты и совѣтская власть»	— 40	
Бухаринъ. «Долой международныхъ разбойниковъ»	— 40	
Ленинъ. «Борьба за хлѣбъ»	— —	
К. Цеткинъ. «Война за свободу и миръ въ Россіи»	— —	
М. Лурье (Ю. Ларинъ). «Крестьяне и рабочіе въ русской революціи»	— 40	
Его же. «Составъ пролетариата». 2-е изд.	— 65	
К. Марксъ. «Либералы у власти»	— 65	

К. Маркс и Ф. Энгельс. «О коммунизме»	— 70
Мархлевский. «Что такое политическая экономия?»	— 30
Пашь рабочей праздник 1 мая	— 20
Памяти К. Маркса. «Сборник статей». Печ. 2-е изд.	3 —
Д. Рязановъ. «Дѣя правды» (Марксизмъ и народничество)	— 90
Его же. «Обуховское дѣло»	— 70
Его же. «19-е февраля»	— 75
Его же. «К. Марксъ и русск. люди 40-хъ годовъ»	1 80
Ю. Стемелъ. «Черная сотня во Франціи»	1 20
Его же. «Революція 1848 г. во Франціи»	1 20
Его же «Прудонъ»	— 80
Его же. «Поль Лафаргъ», 2-е изд.	— 55
Его же. «Новѣйшее теченіе во французскомъ антисемитизмѣ»	1 —
Его же. «Интернаціональ», ч. I	4 80
Его же. «Интернаціональ», ч. II	2 25
Самойлова. «Современная безработица и борьба съ нею»	1 10
Троцкий. «Трудъ, дисциплина и порядокъ»	— 30
Его же. «Слово къ рабочимъ и крестьянамъ»	— 45
К. Цеткинъ. «За большевиковъ»	— 45
Ея же. «Интеллигент. пролетаріатъ, женскій вопросъ и социализмъ»	— 70
* * «Мировая война», съ предисловіемъ Г. Зиновьева	— 65
Г. Зиновьевъ. «Рѣчь о созданіи красной арміи» (2-е изд.)	— 25
Илья Іоновъ. «Алое поле». Стихотвореніе (2-е изд.)	— 65
А. Бебель. «Изъ моей жизни». Мемуары, т. I	— —
Басовъ-Верхомяцевъ. «Вѣнокъ». Сказки	— —
Горичевъ. «Таблица исчисления заработной платы отъ 150 до 1000 р. при 6 и 8-час. рабочемъ днѣ»	— —
Степановъ. «Жанъ-Поль Маратъ»	— 80
Рязановъ. «Г. В. Плехановъ и группа Освобожденіе труда»	— 90
К. Марксъ. «Наемный трудъ и капиталъ»	— 30
Г. Зиновьевъ. «О мятежѣ лѣвыхъ эсъ-эровъ»	— 60
Его же. Социализмъ и война	— —
К. Клаутскій. «Этика»	2 25
Литературный сборникъ, посвященный памяти Г. В. Плеханова	
В. Либкнехтъ. «Воспоминанія о Марксѣ»	
К. Эйслеръ. «В. Либкнехтъ, его жизнь и дѣятельность»	
Королькевичъ. «Финансовыя и экономическія законы и мѣропріятія Германіи противъ державъ Согласія»	
Бухаринъ. «Программа коммунистовъ»	— 75
А. Богдановъ. «Красная звѣзда»	
Кій. «Что такое социализмъ». 2-ое исправленное изданіе	
Его же. Республика совѣтовъ». 4-ое исправленное и дополненное изданіе	
Б. Мещеряковъ. «Деревенская бѣднота и путь къ социализму»	
Его же. «Два міра»	— 85
Банкъ. «Великая французская революція»	
Д. В—инъ. «Уголокъ въ немецкой оккупации»	
Романъ Роланъ. «Сердце Франціи». Т. VII	2 25
Зиновьевъ. «Н. Ленинъ. Жизнь и дѣятельность»	
Князевъ. «Красное Евангеліе»	1 20
Кій. «Сельская коммуна»	— 20
В. Князевъ. «Красные звоны и пѣсни»	

Барбюсъ. «Въ огнѣ». Дневникъ одного взвода. Перев. I. Арденина. Съ предисл. М. Горькаго.

«Декреты о судѣ».

Коллонтай. «Работница-мать».

Декавъ. «Фленго». Разказъ изъ временъ Коммуны 71 г.

Лафаргъ. «Происхожденіе религіозныхъ вѣрованій».

Его же. «Благотворительность и право на трудъ».

Мирбо. «Жанъ и Мадлена». Драма.

Зиновьевъ. «Чехо-словаки, блогвардейцы и рабочий классъ».

Самойлова. «Продовольственный вопросъ и Совѣтская власть».

Печатаются:

Н. Ленинъ. «Заключительное слово на 4-мъ съѣздѣ Совдеповъ».

Его же. «За 12 лѣтъ». Сборникъ статей.

К. Каутскій. «Сборникъ статей».

Ф. Энгельсъ. «Философія, политическая экономія и социализмъ (Анти-Дюрингъ)».

Лиссагаре. «Исторія Парижской коммуны».

Бабель. «Мемуары». Въ 3-хъ томахъ.

Его же. «Положенію женщины въ настоящемъ и будущемъ».

А. Арну. «Народная исторія Парижской коммуны».

В. Блосъ. «Исторія французской революціи».

В. Дибнхетъ. «Къ юбилею мартовской революціи».

П. Лафаргъ. «Трудъ и капиталъ».

Кюновъ. «Французская пресса во время француз. революціи».

В. Моррисъ. «Вѣсти ниоткуда» (Утопія).

Элимиръ Бурна. «На плахѣ». Романъ изъ врем. франц. революц. Съ иллюстрац.

Рязановъ. «Международный пролетаріатъ и война». Сб. статей.

Арну. «Мертвецы коммуны».

Динштейнъ. «Кто чѣмъ живетъ».

Керженцевъ. «Какъ вести собранія».

Его же. «Республика молодежи».

Его же. «Борьба за землю и волю въ Ирландіи».

Лафаргъ. «Патріотизмъ буржуазіи».

Луначарскій. «Развитію Интернаціонала».

Троцкій. «Жанъ Жоресъ».

Луначарскій. «Краткій очеркъ развитія челоѣч. культуры».

Его же. «Королевскій брадобрей». (Власть). Пьеса.

Его же. «Комедія».

Зиновьевъ. «Война и кризисъ социализма». Ч. II.

Демьянъ Бѣдный. «Земля обѣтованная».

Его же. «Въ огненномъ кольцѣ».

Каутскій. «Ирландія».

Мерингъ. «Биографія Энгельса».

А. Бабель. «Христианство и социализмъ».

Конколь. «Коммуна 71 г.».

Логиновъ. «На стражѣ». Стихотворенія. Сатиры.

Жоресъ. «Миръ и пролетаріатъ».

Тюрланъ. «Парижская коммуна».

Каутскій. «Томасъ Моръ и его утопія».

Раковскій. «Социалисты и война».

Бансъ. «Парижская коммуна».

К. Марксъ. «Гражданская война во Франціи».

Максимъ Горькій. «Разказы».
Брусянинъ. «Разказы».
Вандервельдъ. «Соціализмъ и искусство».
Ромэнъ Роланъ. «Ярмарка на площади».
Его же. «Въ сторону отъ схватки».
Муйжель. «Разказы». Т. I и II.

Готовятся къ печати:

С. Мендельсонъ. «Парижская коммуна 18 марта».
Шарль Андлеръ. «Введение и комментарий къ Коммунистическому манифесту».
Генрихъ Маннъ. «Мадамъ Легро», драма въ 3-хъ дѣйств. (изъ времени французской революціи).
Жюль Гэдъ. «На стражѣ». Сборникъ политическихъ статей.
Францъ Мeringъ. «К. Марксъ въ изгнаніи».
Юніусъ. «Кризисъ социаль-демократіи», съ предисл. Н. Ленина.
Павловичъ. «Смерть Жореса».
Леви-Брюль. «Нѣсколько страницъ изъ жизни Жореса».
Дживініолла. «Спартакъ» (полный переводъ).
Эрикманъ-Шатрианъ. «Исторія одного крестьянина». Полный переводъ Богдановича.
Мишель. «Коммуна».
Бюхнеръ. «Смерть Дантона».
Дитцгенъ. «Религія социаль-демократіи».
Саймонсъ. «Соціальныя силы въ исторіи».
Гауптманъ. «Ткачи». Драма.

ПѢСНИ КОММУНЫ. (Съ иллюстраціями).

В. Володарскій. «Рѣчи».
Ромэнъ Роланъ. «Жанъ Кристофъ». Съ предисловіемъ Луначарскаго.
Оларъ. «Полигич. исторія Франц. революціи».

Серія утопическихъ романовъ:

Беллами. «Черезъ 100 лѣтъ».
Его же. «Равенство».
Т. Кампанелла. «Государство солнце».
Т. Моръ. «Утопія».

Художественныя картины:

1) У вратъ социализма. 2) Свѣточъ социализма—по 1 р. 50 к.
Портреты: Ленина, Троцкаго, Зиновьева, Луначарскаго, К. Маркса.
Заказы выполняются по полученіи задатка. Организаціямъ и общественнымъ учрежденіямъ скидка.

1001

Цена 2 р. 40 к.

Handwritten scribbles and a diagonal line.

